

Отраженіе войны въ Архангельскихъ частушкахъ.

Въ частушкахъ, которыя, говоря словами одного изслѣдователя, представляютъ собою „до наивности правдивое изображеніе настроенія народной души, преимущественно души деревенской молодежи, людей того возраста, когда чувства наиболѣе непосредственны, а умъ наиболѣе живо реагируетъ на все окружающее“—конечно, не могли не отразиться всколыхнувшія Русь грозныя событія великой войны.

Деревенская молодежь обоего пола, предметомъ творчества которой являются частушки, сразу же отозвалась въ нихъ на событія войны и уже спустя всего лишь два мѣсяца послѣ открытія военныхъ дѣйствій въ періодической печати были опубликованы первыя записи такъ называемыхъ военныхъ частушекъ. Въ настоящее же время, можно сказать съ увѣренностью, нѣтъ такого уголка на Руси, гдѣ бы молодежь не распѣвала созданныхъ на мѣстѣ или откуда либо занесенныхъ военныхъ частушекъ, ярко выражающихъ настроеніе народа, его чувства и переживанія во время настоящей войны.

О значеніи военныхъ частушекъ, какъ матеріала для будущей исторіи войны, для уясненія народной психологіи во время войны, говорить излишне, такъ какъ оно (это значеніе) уже давно сознано и оценено по достоинству. Въ настоящее время уже напечатаны записи этихъ частушекъ по цѣлому ряду губерній*), и число ихъ, несомнѣнно, будетъ все расти и расти. Небольшимъ вкладомъ въ этотъ отдѣлъ литературы о войнѣ является и наша статья составленная на основаніи матеріаловъ произведенной въ 1915 году Архангельскимъ Обществомъ изученія Русскаго Сѣвера анкеты о вліяніи войны на жизнь населенія Архангельской губерніи. Считаемо нужнымъ указать здѣсь, что наблюдающееся въ нижеприводимыхъ частушкахъ, съ одной стороны, отсутствіе нѣкоторыхъ, связанныхъ съ войной мотивовъ, несомнѣнно существующихъ въ творчествѣ деревенской молодежи (переписка съ солдатами, продовольственный вопросъ, дороговизна жизни и т. п.), съ другой, сравнительное однообразіе и общая малочисленность частушекъ—объясняются, повидимому, незначительностью числа отвѣтовъ на анкету вообще и въ особенности отвѣтовъ, содержащихъ записи частушекъ. Тѣмъ не менѣе мы думаемъ, что приводимое здѣсь нами собраніе частушекъ о войнѣ все же имѣетъ извѣстную хотя и относительную цѣнность, и если, вдобавокъ, наша статья послужитъ до нѣкоторой степени побудительнымъ толчкомъ къ дальнѣйшей записи военныхъ частушекъ, расцѣваемыхъ по селамъ и деревнямъ нашего края, что, само собой разумѣется, болѣе чѣмъ желательно, то наша задача—остановить вниманіе читателей на военныхъ частушкахъ—будетъ вполне достигнута.

*) Укажемъ здѣсь ст. Н. И.—некаго „Отраженіе войны въ Вологодскихъ частушкахъ“—„Извѣстія Волог. О-ва изуч. Сѣв. Края“ вып. 2-ой (75 частушекъ); ст. А. Двинскаго „Частушки“ въ газ. „Архангельскъ“ №№ 11 и 12 за 1916 г. (38 частушекъ записанныхъ главнымъ образомъ въ Петроградской губерніи); ст. П. Заручевского „Война въ народной поэзіи“—„Олонецкая Недѣля“ № 6 за 1916 г. (64 частушки записанныхъ въ Каргопольскомъ и Вытегорскомъ уу. Олонецкой губ.; затѣмъ нѣсколько замѣтокъ о военныхъ частушкахъ было напечатано въ 1915 г. на страницахъ „Пермской Земской Недѣли“ и т. д.

Перейдемъ теперь къ частушкамъ, посмотримъ, что думаетъ и поетъ о войнѣ наша архангельская деревня.*)

Объявленію войны, какъ извѣстно, предшествовало повсемѣстное закрытіе казенныхъ винныхъ лавокъ, производнее, можно сказать, переворотъ въ вѣковомъ укладѣ деревенской жизни, но въ частушкахъ этотъ фактъ почему-то отразился слабо. Анкета общества дала всего двѣ такихъ частушки:

1.

По Государеву приказу
Всѣ казенки стали сразу,
Нѣту пьяницамъ вина:
Ночь съ Германіей война.

2.

Бшь, коровушка, соломку,
Не надѣйся на сѣнцо;
Пей-ка, дролечка, водичку,
Не надѣйся на вино.

Война началась лѣтомъ, во время полевыхъ работъ, и частушка отмѣчаетъ это обстоятельство:

3.

Сейгодъ жали и косили
Возлѣ Сѣверну Двину,
Слышимъ: нѣмцы объявили
Всей Россіюшкѣ войну.

Настроение народа, его думы о войнѣ, ея причинахъ и событіяхъ нашли свое выраженіе въ цѣломъ рядѣ такихъ частушекъ:

4.

Нѣмецъ пива налакался—
Съ пьяныхъ глазъ войну открылъ;
Онъ хотѣлъ Россію взять,
Но пришлось повоевать.

7.

Матушка-Россіюшка
Накопила силушки,
Стало некуда дѣвать—
Пошла съ германцемъ воевать,
Распроклятый тотъ германецъ
Сталъ онъ сербовъ обижать.
Какъ Россіюшка заступитъ,
Такъ германецъ пропадетъ.

5.

У германскаго царя—та
Завелась опять война-та,
Сталъ съ Россіей воевать,
Свое войско выставлять.

6.

Пишетъ, пишеть царь германскій,
Пишетъ Русскому царю:
Я Германію [покину,
Самъ въ Россію жить пойду**).

8.

Безобразить турки стали,
Знать нашель на нихъ дурманъ,
И безбожно обижать
Беззащитныхъ христіанъ. .

*) По мѣсту записи нижеприводимыя частушки распредѣляются слѣдующимъ образомъ: №№: 3, 5—6, 8, 11—16, 19, 21—23, 26—29, 31, 34, 41, 42, 44, 46—47, 51, 53—54, 62, 65, 68, 75, 77, 79, —82, 84, 92 и 93 записаны въ Шенкур. у. (Благовѣщенская, Власьевская, Ровдинская, Суландская, Смотрокановская и Шеланская вол.); №№: 1, 7, 17, 35, 37—39, 43, 48, 56, 61, 63—64 и 70—въ Мезен. у. (с.с. Жердское и Кимженское); №№: 4, 9, —10, 20, 30, 49, 52, 55, 60, 66—67, 71, 74, 76, 83 и 85—86—въ Пинеж. у. (дер. Нижняя Паленьга); №№: 2, 6, 26, 32, —32—33, 57, 59 и 88—89—въ Онежск. у. (с.с. Чекуево и Малошуйка); №№: 18, 36, 40, 45, 50, 69, 78, 87 и 90—91—въ Кемск. у. (с. Колежма); №№: 25 и 29—въ Алекс. у. (с. Умба) и № 6—въ Холмог. у. (с. Куростровъ). Не прислано записей частушекъ по Арханг. и Почерск. уѣздамъ; корреспонденты изъ этихъ уѣздовъ ограничились лишь сообщеніемъ, что частушки есть.

**) Эта частушка, записанная почти всѣми корреспондентами, имѣетъ такіе варіаты двухъ послѣднихъ строчекъ:

Все свое войско спасу,
Я въ Россію жить пойду;
Или:
Ты Германію разрушишь,
Я въ Россію жить иду.

9.

А Россія, вѣдь, большая,
А Германія—мала:
Германія какъ медвѣдь злая,
А Россія то смирна.

10.

Мы такую войну откроемъ,
Всю Германію разроемъ,
Намъ австрійцы нипочемъ,
Закидаемъ кирпичемъ.

11.

У австрійцевъ у солдатъ
Штаны красны-алые,
А у нашихъ у ребятъ—
Головы удалые.

12.

Наши руськи воевали
Только пушки ахали,*)
Въ Питиградѣ слышно было
Какъ германчи плакали.

13.

На вечеркѣ бабы прядутъ,
Дѣвушки клубочки вьютъ;
Хорошо наши воюютъ—
Всѣхъ австрійцевъ разобьютъ.

Народъ, конечно, ждетъ конца, войны, но въ тоже время выражаетъ готовность воевать „три годочка“ и свою увѣренность въ грядущей побѣдѣ Россіи:

19.

Неужели пересохнетъ
Наша Сѣверна Двина?
Неужели не окончится
Германская война?

20.

Германцы городъ забираютъ,
И Россію хотятъ взять,
Дай же, Господи, Россіи
Всѣхъ германцевъ пострѣлять.

14.

На вечеринкѣ женки прядутъ,
Дѣвушки клубочки вьютъ;
Наши руськи очень храбры—
Всѣхъ германцевъ разобьютъ

15.

Не ходи ты, нѣмецъ, въ лѣсъ,
Не кажи тамъ носу,
Нашъ солдатъ тебя тамъ схватитъ,—
Свертитъ въ папиросу.

16.

Зачѣмъ нѣмцы къ русскимъ лѣзутъ?
Или сила велика?
Мы васъ скрутимъ, все отнимемъ:
Не лѣзь къ русскимъ никогда.

17.

Нынче времячко военно,
Сталь германецъ воевать,
У германцевъ силы мало,
Сталь германецъ пропадать.

18.

Изъ Озерка ледъ выносить,
Царь германскій миру проситъ,
Русскій миру не даетъ,
Всю Германію прибьетъ.

21.

Ты, Германія, Германія,
Германія земля,
Черезъ три года
Германія будешь покорена.

22.

Полно, нѣмецъ, тебѣ бороться,
На Россію нападать,
Три годочка продерешься,
По Россіюшки не взять.

23.

Какъ Вильгеша разсердился
На Россію—матушку,
Все равно не побѣдитъ:
У насъ болѣ силушки.

Все вниманіе деревни обращено на фронтъ, и „тылу“—своей деревенской жизни—вниманія удѣляется гораздо меньше. Въ этомъ отношеніи частушки отмѣчаютъ прежде всего оскудѣніе въ деревнѣ мужского элемента и недостатокъ рабочихъ рукъ, также увеличеніе числа безпри-

*) Въ другой записи:

Двѣ недѣли воевали,
Ахъ, какъ пушки ахали etc.

зорныхъ „сиротиночекъ“ и наконецъ, вскользь, съ оттѣнкомъ юмора затрагиваютъ вопросъ объ участи дѣвушекъ:

25.

Сейчасъ годъ такой тяжелый,
Пошелъ нѣмецъ воевать,
У женъ мужей, у дѣвокъ дролей,
На свою землю увель.

26.

Распроклятый царь германскій
Много горюшка навель:
У женъ мужей, у дѣвокъ дролей,
На войну къ себѣ увель.

27.

Экій царь германскій лѣшій,
Сколько дѣла ты навель:
У бабъ мужей, у дѣвокъ дролей
На войну къ себѣ угналъ.

28.

Сейчасъ годъ такой тяжелый
Всѣхъ угнали на войну;
Бѣдны женочки остались—
Работать некому:*)

Настроение и думы деревенской молодежи, тѣхъ, кому самимъ не сегодня—завтра придется идти на войну—, работать на варшавскомъ полюшкѣ— видно изъ слѣдующихъ частушекъ:

33.

Мать поила и кормила
И работника ждала,—
На восемнадцатомъ годочку
Въ солдаты отдала.

34.

Меня маменька кормила,
Все печальникомъ звала,
18-ти годочковъ
Во солдаты отдала.

35.

Скоро, скоро насъ не будетъ
Во Мезени городу,
Красны шапочки надѣнутъ
И погонять на войну.

26.

Сорокъ елокъ, сорокъ елокъ,
Сорокъ вересиночекъ,
Чортъ германца надавалъ:
Много сиротиночекъ.

30.

Много лѣсу, много лѣсу,
Много вересиночекъ,
Послѣ этого набору
Много сиротиночекъ.

31.

Сейчасъ годъ такой тяжелый
Сталъ германецъ воевать,
Всѣхъ ребятъ у насъ угонять:
Куда дѣвокъ намъ дѣвать?

32.

Не робѣйте, бабы, скоро
Вамъ придется воевать,
Послѣ этого набору
Будутъ дѣвокъ набирать.

36.

Я не съ радости гуляю,
Не съ веселья водку пью,
Меня молодца забрѣли,
Воевать парень иду.
Приказанія исполню,
Кепку Султана сорву,
Каску вырву у германца
И ему голову снесу.

37.

Меня женять молодого,
Женять по неволюшкѣ:
Стало некому работать
На Варшавскомъ полюшкѣ.**)

*) Въ другой частушкѣ:

Остаются однѣ женки
И работать некому.

**) Г. Н. И-нскій къ своей статьѣ (см. выше) „говорить: слѣдуетъ“ отмѣтитъ что меньшая часть военныхъ частушекъ сложилась, быть можетъ, въ періодъ русско-японской войны и расцвѣтается сейчасъ лишь въ нѣсколько измѣненномъ видѣ, съ замѣною японцевъ германцами, Японіи — Германіей.“ (ст. 133). Это вполне возможно. Съ другой стороны, нѣкоторые военные частушки представляютъ собою передѣлку существовавшихъ раньше, такъ напр частушка № 37 до войны имѣла слѣдующ. редакцію:

Меня женять молодого,
Женять по неволюшкѣ:
Стало некому работать
Во широкомъ полюшкѣ.

(Сборн. част. подъ ред. Е. Н. Елеонской).

38.

Распроклятый тотъ германецъ
 Сталь Россію обижать,
 Такъ моею бѣдной головкѣ
 Безъ войны не миновать.

39.

Научился, какъ германецъ,
 На кобылахъ воевать;
 Насъ молоденькихъ забрѣютъ,
 Безъ войны не миновать.

40.

Ничего, что пьемъ да куримъ,
 Намъ недолочко гулять:
 Насъ погонять въ чисто поле
 Съ германцемъ воевать.

Разлука съ родными и особенно со своими „любушками“ служить
 темой очень многихъ частушекъ:

41.

Скоро, скоро насъ погонять
 Подъ Варшаву воевать:
 Неужели не потужить
 Обо мнѣ родима мать?

42.

Мѣдна мѣра загремѣла,
 Моя мама заревѣла;
 Не реви, родная мать,
 Пошелъ германцевъ добивать.

43.

Вы прощайте, дѣвки, бабы,
 Намъ теперь ужъ не до васъ—
 Намъ теперь ужъ не до васъ:
 На войну угонять насъ.

44.

Вы, германчи, черные
 Да воевать задорные;
 Изъ-за вашей силушки
 Да остаются милушки.

45.

Скоро, скоро насъ угонять
 Подъ Варшаву воевать;
 Наши дролечки останутся
 Съ другими горевать.

Надъ своимъ будущимъ мобилизуемая молодежь, повидимому, не за-
 думывается или вѣрнѣе, старается не думать о немъ, и если нѣкоторые,
 уходя на войну, съ грустью говорятъ:

51.

Скоро, скоро я уйду
 Подъ Варшаву воевать;
 Прощайте всѣ мои родные,—
 Больше дома не бывать,
 то другіе, наоборотъ увѣрены, что все окончится благополучно:

52.

Я уйду, мила, въ солдаты,
 Ты не думай обо мнѣ;
 Не убьютъ и не подстрѣлятъ
 На германской на войнѣ.

53.

Не ходи, дѣвица, замужъ,
 Ты до лѣта погоди:
 Со войны милой вернется
 Со крестами на груди.

*) Въ другой частушкѣ:

„Вы, германцы, черноваты“...

Въ одной частушкѣ красиво выражена такая глубокая мысль:

54.

Пули мѣдныя летали
Мимо самага меня,
Вѣрно дролина молитва
Тихо до Бога дошла.

Обращаясь къ дѣвичьимъ частушкамъ мы видимъ въ нихъ преобладаніе главнымъ образомъ личныхъ мотивовъ; мысли дѣвушекъ вращаются исключительно около своихъ „дролей“ и „замилашечекъ“, съ которыми приходится или пришлось разстаться.

Деревенская дѣвушка тревожно ждетъ мобилизаціи, когда ея дружка угонять на войну:

55.

Скоро, скоро снѣги станутъ,
Скоро новы нападуть;
Скоро милого не будетъ,
Во солдаты уведутъ.

56.

Какъ ужъ въ нынѣшнее время
Сталъ германецъ воевать,
Какъ моему то милому
Безъ войны не миновать.

57.

Экой годичекъ военный,
Сталъ германецъ воевать,
Мой-то миленькій семейный,
Ему и такъ не миновать.

58.

Кабы ягодкѣ у маменьки
Родиться одному,
То бы не взяли въ солдаты,
Не угнали на войну.

59.

Нонь тужурочки то носятъ
Съ синими карманцами,
Моего дружка угонять
Воевать съ германцами.

Къ забракованнымъ дѣвицы относятся свысока, называя ихъ презрительно „шантрянпой“, въ то время какъ пріѣзжающіе изъ арміи на побывку, наоборотъ, пользуются большимъ уваженіемъ:

60.

Снѣги пали, снѣги пали,
Пали и растаяли,
Всѣхъ хорошихъ то забрали,
Шантрянпу оставили.

61.

Чернобровый парень бравый
Къ верху усы закрутилъ,
Говорятъ, онъ во сраженьѣ
Пять германцевъ зарубилъ.

Чувство дѣвушки по отношенію къ виновнику войны нашло выраженіе къ такой частушкѣ:

62.

Кабы были легки крылышки
Слетала бъ на войну,
Отрубила бъ саблей голову
Германскому царю.

Какъ въ мирное время дѣвушка говорила.

Шестьдесятъ четыре пѣсенки
Я въ часъ перепою,
У кажинной я у пѣсенки
Милого вспомяну:

такъ и теперь она непрестанно вспоминаетъ своего военного друга, грустить о разлукѣ съ нимъ:

63.

Полюбила два Ивана
На одну только бѣду:
Одного взяли въ солдаты,
А другого на войну.

64.

Долго я въ гостяхъ гостила,
Милъ уѣхалъ на войну
На германску сторону.

65.

Ты, Германія, Германія,
Въ Германіи война;
На войну друга угнали,
Я осталася одна.

66.

Подъ окномъ стоитъ березка,
Поливай березку „дошъ“;
Взяли дролечку въ солдаты,
И живи, какъ хошь.

67.

Въ холоденочкѣ купалась—
Простудила голову;
Сколько дроли не жалѣла,
Угонили на войну.

68.

Ой-ой-ой! Какъ мнѣ обидно
На германца-сатану:
Расхорошенькаго дролечку
Угнали на войну.

69.

Въ синемъ морѣ волны плещутъ,
Тамъ Германія стоитъ,
У меня миленькій, хорошенькій
Изъ нушечекъ палить.

70.

Шла дорожкой, шла лѣскомъ,
Сѣла съ думой на пенекъ:
Гдѣ то въ полѣ нѣмцевъ колетъ
Ненаглядный мой дружокъ.

71.

Заведите грамофонъ
Съ новенькими танцами;
Мой то милый на войнѣ
Сражается съ германцами.

72.

Шла дорожкой, приустала,
Сѣла съ думой на лужокъ:
Гдѣ то, гдѣ то нѣмцевъ колетъ
Мой желанненькій дружокъ.

73.

Сердце ноетъ и болитъ,
Кровью обливается.
Мой то милый на войнѣ
Съ германцами сражается.

74.

Заходили пароходики
По Сѣверной Двинѣ,
Трудно-трудно замиляшечкѣ
Сражаться на войнѣ.

75.

Болитъ ретивое сердечко:
Мой миленокъ на войнѣ;
Онъ и пули не боится,
А все думаетъ о мнѣ.

76.

Кабы знала, не влюбила,
Что угонять на войну,
Не болѣло бы сердечко,
Не скучала-бъ по нему.

77.

Говорятъ, что утихаетъ
Во Германіи война, *)
Вѣрно, въ живности вернется
Ягодиночка моя.

78.

Распроклятый царь германскій,
Укrotи эту войну,
Отпусти ты дролечку
На веснушку одну.

79.

Слава Богу, лѣто прожили,
Германецъ околѣлъ,
Мой то милый былъ подъ Ригой,
Какъ учулъ, такъ обрадѣлъ.

80.

Ой-ей, какъ мнѣ обидно
На германца-сатану;
Какъ бы сейгодъ не убили
Ягодиночку мою.

*) Встрѣчается такой вариантъ:

„Скоро скоро прекратится
Со Германіей война“...

81.

Напишу письмо слезами,
Запечатаю тоской,
Отошлю по телефону,
Прочитай, военный мой.

Понятна печаль дѣвушки, когда она узнаетъ, что милый раненъ:

82.

Не ругай, родима
Маменька меня,
Говорять, милого ранили
Германцы у меня.

83.

Чай не пьется, хлѣбъ не ѣстся,
Притча на завѣти:
Мой то милка шипко раненъ,
Лежитъ въ лазарети.

84.

Моего милого ранили
Германцы на войнѣ,
Его по синему по морюшку
Везутъ на кораблѣ.

Отсутствіе вѣстей съ войны вызываетъ вопросъ—нѣтъ ли милого въ плѣну?

85.

Ты слетай-ка,
Голубочекъ, на войну
Попровѣдай у германцевъ
Нѣтъ ли милого въ плѣну?

86.

Утка сѣра паритъ сѣла,
Вывела утеночка,
У меня большое горе—
Взяли въ плѣнъ миленочка.

87.

Распроклятая Германія
Сгорѣла бы огнемъ;
У меня миленькій въ Германіи,
Стоснулася по немъ.

88.

Съ неба звѣздочка упала
На германскія суда;
Живетъ дролечка въ Германіи
И не знаю, какъ придетъ сюда.

89.

Мой то миленькій въ Германіи
Я думаю объ немъ...
Да распроклятая Германія
Сгорѣла бы огнемъ.

Кромѣ вышеприведенныхъ, въ деревнѣ поются еще и другія, появившіяся въ связи съ войной частушки, смыслъ которыхъ понятенъ трудно:

90.

Голова моя не дура,
Что нибудь да дѣлаетъ;
Поставлю вѣшки о дорогу,
Пускай германецъ бѣгаетъ.

91.

Мы, колежемки, кофты носимъ,
Но недѣлѣ фсть не просимъ,
Скоро юбочки сошьемъ,
Тогда въ Германію поидемъ.

Есть также не мало сатирическихъ частушекъ, въ которыхъ высмѣивается Вильгельмъ:

92.

У Вильгельма есть тулупъ
Девяносто одинъ рубль,
Еще телушечка въ углу
И та кричитъ: уй-ду, уй-ду!

93.

Не совѣтуетъ Вильгельму
Медицинскій персоналъ
Кушать завтракъ во Парижѣ,
Коль желудокъ захворалъ.

94.

Высоко поднялся кайзеръ,
 Да садится не умѣлъ,
 Подъ Варшавою оставилъ
 Тьму нѣмецкихъ мертвыхъ тѣлъ.

Значительная часть этихъ частушекъ, повидимому, занесена солдатами и отличается рѣзкостью выражений.

Наконецъ въ деревнѣ въ настоящее время въ большомъ ходу чисто солдатскія и рекрутскія частушки, но мы ихъ касаться не будемъ.

Ан. Поповъ.

Дѣятельность Архангельскаго порта во время великой сѣверной войны.

Въ архивѣ государственнаго сената хранятся любопытныя данныя показывающія, что Архангельскъ, какъ ввозной портъ, игралъ большую роль при Петрѣ Великомъ. Эти данныя очень умѣстно рассмотреть именно теперь, когда подъ вліяніемъ грандіознѣйшей міровой войны опять вспомнили этотъ портъ, и опять онъ сослужилъ Россіи большую службу. Такъ, въ кн. ¹¹₈₁ л. 320—330 хранится любопытный указъ № 177 объ осмотрѣ и переборкѣ въ Архангелогородской губ. оставшагося за продажей табаку. Этотъ указъ вводитъ насъ въ интимную жизнь города и губерніи и показываетъ—какъ много ввозилось черезъ этотъ портъ такого еще мало распространеннаго товару, какъ табакъ (еще при блаженной памяти царѣ Алексѣѣ за куреніе табаку отрѣзали носъ и губы). 18 дек. 1711 г. въ канцеляріи Прав. Сената вице-губернаторъ Архангелогородской губерніи (какое красивое названіе въ сравненіи съ теперешнимъ) Алексѣй Курбатовъ донесъ, что изъ московской ратуши „вѣлѣно подьячему Каменскому съ цѣловальникомъ (т. е. давшимъ клятву, — присяжнымъ) на Вологдѣ приѣмный у Карлуса Гутвеля (вотъ еще когда мы подпали подъ вліяніе нѣмцевъ) листовой и крошеный табакъ разобравъ перевѣсить порознь“. По вѣдомости табаку оказалось 10,147 пуд. 8 фунтовъ, въ томъ числѣ хорошаго 8,010 пудовъ 38 фунт., плохого 2,136 пудовъ 10 фунтовъ. Этотъ табакъ лежитъ въ Вологдѣ и можетъ испортиться. Поэтому желательно его разослать въ губерніи и въ Москву, но безъ указа отъ Сената (завѣдывавшаго тогда и этими дѣлами) нельзя этого сдѣлать. Въ Архангелогородской губерніи табаку много на продажу, хватитъ года на 3 и больше. По указу Государя посланъ былъ къ „управителю Московской губ.“ указъ о приѣмѣ табаку. „29 Декабря 1711 г. въ поданномъ въ канцелярію Прав. Сената меморіалѣ князя Петра Голицина, написано: въ прошломъ 710 году въ бытность его въ Архангелогородской губерніи, за умаленіемъ въ оной губерніи добраго табаку, подряженъ иноземецъ-англичанинъ Самойло Гарцынъ принять табаку 3,000 пуд., который онъ поставилъ у города Архангельскаго по договору съ ближнимъ стольникомъ княземъ Петромъ Голицынымъ цѣною по 3 рубля пудъ и того на 9000 руб. а сколько вѣсомъ пудъ принято будетъ, и за тотъ табакъ деньги ему, Гарцыну выдать по таможенной запискѣ изъ доходовъ Архангелогородской губ.